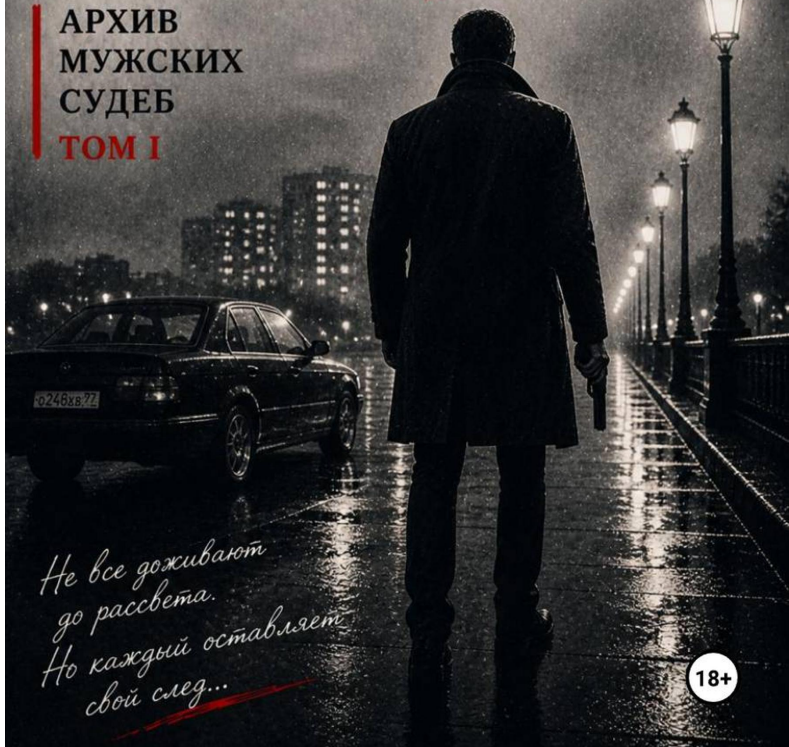

ТАТЬЯНА ТАНИЧЕВА

СВИДЕТЕЛИ ЛИХИХ 90-х

АРХИВ
МУЖСКИХ
СУДЕБ
ТОМ I

Не все доживают
до рассвета.
Но каждый оставляет
свой след...

18+

Татьяна Таничева

Свидетели лихих 90- х: архив мужских судеб

<https://litres.ru/73919694>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами - не просто книга. Это живой архив.

«Свидетели лихих 90-х: архив мужских судеб» - это проект - исповедь. В каждом томе будет десять реальных историй. Рассказы тех, кто прошёл через криминальные разборки, гоп - стопы, челночный бизнес, армию в Чечне, первые «крыши», подставы и потери. Все имена изменены по просьбе героев, но каждая деталь - правда.

Архив будет пополняться. Если вы тоже были там - в том времени, когда пачка «Мальборо» стоила дороже обеда, а «Мерседес» с тонировкой внушал ужас и уважение одновременно, - напишите мне. Расскажите свою историю. Пусть она останется здесь, чтобы те, кто родился после, знали: свобода и деньги, которые мы сейчас принимаем как данность, кому-то стоили сломанных рёбер, потерянных лет и выжженной души.

Я благодарю каждого, кто решится поделиться воспоминаниями. Вместе мы сохраним память о той эпохе.

Татьяна Таничева

Свидетели лихих 90-х: архив мужских судеб

ПРОЛОГ

Перед вами - не просто книга. Это живой архив мужских судеб.

В 1990-е рушилось всё: государство, экономика, мораль. Но люди оставались. Кто-то выживал в подвальных качалках с монтировкой. Кто-то торговал на рынках, рискуя свободой каждую минуту. Кто-то терял друзей, братьев, себя - и находил заново.

«Свидетели лихих 90-х: архив мужских судеб» - это проект-исповедь. В каждом томе – будет десять реальных историй. Рассказы тех, кто прошёл через криминальные разборки, гоп-стопы, челночный бизнес, армию, войну в Чечне, первые «крыши», подставы и потери. Все имена изменены по просьбе героев, но истории правдивы.

Архив будет пополняться. Если вы тоже были там - в том времени, когда пачка «Мальборо» стоила дороже обеда, а «Мерседес» с тонировкой внушал ужас и уважение одновременно, - напишите мне. Расскажите свою историю. Пусть она останется здесь, чтобы те, кто родился после, знали: свобода и деньги, которые мы сейчас принимаем как данность, ко-

му-то стоили сломанных рёбер, потерянных лет и выжженной души.

Я благодарю каждого, кто решится поделиться воспоминаниями, чтобы сохранить память о той эпохе.

С уважением,

© Татьяна Таничева, 2026

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ.

ЧУЖОЙ ПИДЖАК

От первого лица - Никита, 50 лет, владелец цеха металлообработки.

Глава 1. Пустота

Режим «ноль-ноль». Слышали такое?

Это когда ты ещё не спишь - мозг уже отключился, глаза горят, как у филина, - но ты уже не живёшь. Ты *существуешь*. Как батарейка в дешёвом фонарике «Динамо»: светит, но слабо, и вот-вот сдохнет. Навсегда.

Мне семнадцать. 1993 год. Люберецкий район, улица 8 Марта. Панельная девятиэтажка с вечно сломанным лифтом и запахом кислой капусты из подъезда. Рядом с домом - рюмочная, куда по утрам заходят мужики с красными лицами и трясущимися руками. Отец теперь один из них.

До этого он был инженером на «НПО Энергия» в Коро-

лёве. Тот самый Королёв - спутники, ракеты, «Буран». Отец рассчитывал траекторию полёта космических аппаратов. У него была специальная линейка - логарифмическая, чёрная, с волшебными делениями. Он говорил: «Никита, компьютеры появятся, но линейка не врёт. Линейка - это истина».

А потом завод закрыли. И всё.

Человек, который знал, как отправить «Союз» к станции «Мир», в сорок пять лет вдруг стал никем. Он запил. Не сразу - сначала месяц ходил в галстук, ездил по собеседованиям на автобусах. Ему везде говорили: «Вы переквалифицировались? Рынку нужен продавец. Торговать умеете?» А он умел только чертить и считать.

Однажды вечером я вышел на кухню попить воды. Отец сидел за столом, перед ним - стопка и початая бутылка «Московской». Мать стояла у плиты, теребила край фартука.

- Серёжа, ну возьмишь, - сказала она тихо. - У нас долг за квартиру. «Налоги» пришли.

Отец молчал. Смотрел в столешницу.

- Ты слышишь меня? - голос матери дрогнул. - У нас в холодильнике - банка тушёнки и три картофелины. Никита месяц в школе не ест горячего.

Отец поднял глаза. Пьяные, пустые. Раньше в них были звёзды и орбиты. Теперь - только дно.

- А что я сделаю? - спросил он хрипло. - На завод? Он закрыт. В космос? Меня там не ждут.

- Найди хоть что-нибудь! Грузчиком, сторожем...

- Я инженер, - сказал он, и в этом слове вдруг прозвучало такое отчаяние, что мать замолчала.

Потом он встал, надел пальто (советское, драповое, с воротником из каракуля), вышел и вернулся только к ночи. От него уже пахло не чаем. Пахло водкой.

Я стоял в коридоре, сжимая кулаки. В пятнадцать лет я весил сорок восемь килограммов и ничем не мог помочь.

Глава 2. Рынок, бабушка и буханка хлеба

Мать торговала на Рижском рынке вязаными шапками. С рук. Вставала в четыре утра, тащила две сумки - каждая по десять кило. Возвращалась к вечеру, разматывала бинты с мозолей. Иногда приносила кусок колбасы «Докторской» - если день удавался. Иногда - только хлеб и кефир.

Со 2 января 1992 года в России произошла либерализация цен. Вот уж где инфляция была, так инфляция. В январе буханка хлеба стоила 2 рубля. А к концу 1992 года её цена перевалила за 50! За год рубли обесценились больше, чем в 20 раз - говорят, почти на 2500%.

Я тогда учился в восьмом классе. Математику знал хорошо - отец научил. Пересчитал: если у нас на сберкнижке было пятнадцать тысяч, накопленных за десять лет, то теперь это... одна куртка? Две буханки хлеба?

Мама как-то пришла домой и впервые при мне заплакала. Не рыдала - нет, тихо плакала в кухонное полотенце.

- Никита, я сегодня полдня простояла, продала одну шап-

ку. Её себестоимость - три тысячи рублей. Раньше на эти деньги можно было купить пальто. Теперь - несколько буханок хлеба. Это после советских копеечных цен, к которым мы привыкли за десятилетия...

Я стоял в дверях. Горло сжалось так, что не проглотить.

- Мам, я могу пойти работать, - сказал я.

Она подняла на меня красные глаза.

- Ты в школу ходи. Учись. Пока я жива - ты учишься.

А через месяц бабушка, мать отца, пришла к нам и сказала:

- Всё сгорело.

Она жила отдельно, в хрущёвке на Юбилейном проспекте. Проработала бухгалтером на КБМ - Конструкторское бюро машиностроения - сорок лет. Сорок лет от звонка до звонка. Когда в начале 1992 года Сбербанк заморозил вклады, она пришла к отделению и увидела табличку «Изменение курса». Дверь была закрыта.

Она стояла в очереди три часа. Потом дверь открылась. И какие-то хмурые женщины в синих халатах сказали: «Ваши сбережения сгорели».

Бабушка перечитывала сберкнижку. Там было сорок семь тысяч рублей. Год назад на них можно было купить «Москвич». Теперь — буханку хлеба. Одну.

Она тогда впервые при мне рыдала. Упала на колени прямо на улице, перед закрытой дверью. Люди обходили её стороной. Кто-то бросил мелочь.

Я стоял и смотрел на эту женщину, которая всю жизнь работала на государство, а государство сказало ей: «Ты никто».

В тот вечер я понял главное: закона больше нет. Есть *понятия*.

Глава 3. Школьный передел

Одноклассники разбрелись кто куда. Будто кто-то потрянул коробку с карандашами - все разлетелись в разные стороны.

Первая каста - «быки». У этих уже шестые «Жигули», наклейки на стёклах: «Спайс», «Хард». Магнитолы из «Берёзки» - блатные сертификаты для тех, у кого знакомые в торгпредствах. Они учились на одни двойки, но разъезжали с такими лицами, будто под ними шестисотые «Мерседесы».

Однажды в школьной столовой ко мне подсел Лёха Козлов. Жевал жвачку «Boomer» - розовую, с вкладышами-наклейками. Развалясь на стуле, кинул на стол мятую десятку.

- Эй, Шуст, - сказал он, не жуя. - Ты чё такой хмурый? Жизнь не та?

Я ковырял перловку. Каша была холодная, серая - даже не пахла.

- Нормальная жизнь, - буркнул я.

- Нормальная? - Лёха засмеялся и наклонился ближе, чтобы другие слышали. - Твой отец в рюмочной вчера занял у моего сотку на опохмел. Скажи спасибо, что не послали.

У меня зазвенело в ушах. Перловка выпала из ложки.

Я встал - медленно, как поднимается экскаваторный ковш. Схватил его за ворот «бомбера» - кожаного, чёрного, с подкладкой из искусственного меха.

- Повтори, - сказал я тихо.

Лёха побледнел. Прямо на глазах - от смуглого к серому. Его дружки за соседним столом замерли.

- Да ладно, Шуст, я же так, - проблеял он. - Шутка.

- Я не понял шутку. Повтори.

Он молчал. Я отпустил ворот. Сел. Ложка дрожала в руке.

Через два дня у него этот «бомбер» отжали свои же братки. Лёха ходил в свитере, никому не жаловался. Потому что понятия.

Вторая каста - «торгаши». Эти из Польши возили кожанки, дублёнки, жвачку «Turbo» и «Boomer». Их пацаны, которые ещё в 91-м стояли на Горбушке с джинсами «Montana» и «Mustang», к 93-му уже имели по две палатки на вещевом рынке. Они говорили на каком-то птичьем языке: «челнок», «растаможка», «зелень», «навар».

- Шуст, хочешь подработку? - спросил меня одноклассник Коля Малыш. Тощий, как велосипедная спица, но с золотой цепью на шее.

- Помоги с товаром от «Москвича» до ларька донести. Тридцать баксов.

- Тридцать? - я не поверил.

- За день. С утра до шести. Ну чё?

Тридцать баксов - это тогда почти пятьдесят тысяч руб-

лей. Месячная зарплата учителя. Я согласился.

Таскал коробки с турецкими дублёнками. Руки потом болели - мышцы ещё не накачал. Но мать купила на эти деньги гречку и тушёнку. Целую коробку тушёнки, с киргизскими буквами. Я тогда впервые за несколько месяцев наелся мяса.

Третья каста - «придурки». Те, кто пошёл в институт. Надели очки, взяли учебники по маркетингу и менеджменту - новые слова, от которых у меня в ушах звенело. Они думали, что если выучат английский, то страна снова станет Советским Союзом. Некоторые уехали потом - в Германию, в Израиль, в Канаду. Но большинство просто сдохли: кто от героина, кто от пули в подъезде, кто от тоски.

А я пошёл в «качки».

Глава 4. Подвальная качалка

Подвальная качалка на Инициативной улице, за магазином «Океан». Вход со двора, через проломанную решётку. Битый кирпич на полу вместо амортизации. Зеркала нет - только мутное стекло в раздевалке, где раздевались под звуки «Ласкового мая» из кассетника «Сони».

Штанга самодельная - два блина от трактора «Беларусь», наваренные на трубу. Скамья сбита из досок, обита дерматином, который выдрали из кресел «Икаруса». Турник - водопроводная труба, приваренная к стене. Спортзал, который воспитал больше мужчин, чем вся советская армия.

Тренер - дядя Вова, бывший зэк, сидевший за разбой в 80-

м. У него три пальца на левой руке не сгибались, а на правой не хватало фаланги среднего - отморозил в лагере. Он учил нас не упражнениям. Он учил драться, когда ты уже упал.

- Пацаны, запомните, - говорил он, перекатывая в зубах «Беломор» без фильтра. Голос - как гравий в бетономешалке. - Если ты на земле - значит, ты мёртвый. Вставай. Пока бьют - вставай. Встать - это уже победа.

Мы стояли в трусах на битом кирпиче, потели и дрожали. Я жал от груди этот тракторный металл.

- А если ноги перебиты? - спросил я однажды, выжимая штангу.

Дядя Вова посмотрел на меня долгим взглядом. Потом сплюнул сквозь зубы.

- Тогда кусай. Зубами за голеностоп. Умирать - так не одному.

Качались каждый день. Без выходных. «Фармакологии» никакой - только яйца всмятку, овсянка «Геркулес» на воде и если повезёт - тушёнка из военторга, которую по блату доставал старший зала. Я с 58 килограммов дошёл до 82 за год. Плечи стали шире, чем у любого мужика в очереди за водкой. Руки - как канаты.

- Как тебя называть? - спросил однажды дядя Вова.

- Никита.

- Будешь Никита-Бицепс. Глупо, но запоминается.

Смеялись надо мной только новенькие. Один раз. Потом смотрели в пол.

Глава 5. Первая «работа»

Май 1994 года. Мне восемнадцать? Нет, через два месяца. Но дядя Вова сказал: «Возраст - это когда тебе дали в зубы и ты не упал».

Первый раз меня поставили на «шухер» - стоять в подъезде в три часа ночи и смотреть. Если менты - свистеть. Если чужие - бежать, предупредить. Платили сто тысяч рублей в день. Примерно семьдесят долларов, но доллары тогда были только у «цеховиков» - мы брали рублями, мятыми.

Объект - подвальное казино на Красной улице. Внутри играли в карты на деньги. Кто играл - не знаю. Моя задача: чтобы никто не зашёл без пароля. С собой - монтировка. Длина полметра, ржавая, на конце загнута. Я держал её, как биту.

Три часа ночи. Холодно даже в мае. В подъезде пахло мочой, шелухой от семечек «Ядрёные» и перегаром. Из-за двери доносился мат, стук кулаков по столу, звон стаканов. Играли по-крупному - я слышал, как шуршат пачки.

На площадке горела только одна лампочка, да и та мигала. Стены облупились, на них кто-то написал маркером что-то нецензурное. Я стоял, прижавшись спиной к батарее. Холод шёл сквозь куртку.

А потом - крик.

Не тот крик, когда ругаются или пьяные дерутся. Другой - высокий, срывающийся, как у женщины. И хруст. Мокрый, костяной хруст.

Я не знал тогда, что так ломают пальцы - сначала выкручивают, потом ломают сустав о край стола. Теперь знаю.

Спина мгновенно стала мокрой. Не от жары - от страха. Пот ледяной, до трусов. Рука на монтировке дрожала так, что металл звенел о косяк. Я не мог пошевелиться - наверное, целую вечность. Просто стоял и слушал, как внутри ломают какого-то лоха.

Внутри затихло. Потом снова крик - уже не хруст, а всхлипы, мольба:

- Не надо, пожалуйста, я всё отдам, у меня дочка маленькая, умоляю...

Голос был взрослый. Мужик лет сорока. А плакал, как ребёнок.

Мне не было ещё восемнадцати. Я должен был быть в школе, писать сочинение «Образ Рахметова в романе "Что делать?"». А я стоял в подъезде с монтировкой и чувствовал, как по ноге течёт что-то тёплое.

Я нассал в штаны. Первый раз с пяти лет.

Когда дверь открылась, вышел наш старший - дядя Миша, бывший боксёр с пробитой бровью (ещё с юношеских соревнований 1984 года, как он хвастался). Он вытер руки о белый платок - мать его стирала каждое утро, накрахмаливала - и кинул мне сотку. Бумажка упала на ступеньку, в лужу.

- Молодец, - сказал. - Не ссыканул.

- Да я... - начал я. Голос сел.

Он поднял палец. Палец был в чём-то красном. Не кровь?

Может, вино?

- Я сказал - не ссыканул. Забирай и вали отсюда.

Я нагнулся, поднял сотку. Она была мокрая. Спрятал в карман джинсов «Wrangler». Подделка, куплена на вещевом рынке. Настоящие бы стоили три таких «работы».

Вышел на улицу. Ночь. Май, но холодно. Дошёл до скамейки. Сел.

И меня вырвало. Прямо на асфальт, на прошлогодние листья и окурки. Я сидел и смотрел на эту лужу, и не мог остановиться.

Сверху, из казино, донёсся приглушённый смех. Там играли дальше.

Глава 6. Как мы становились мясом

Лето 1996 года.

К тому моменту я уже был свой. Не «шестёрка» - обычный «бык». Тело, которое приезжает, стоит, бьёт, уезжает. Меня не называли по имени - говорили: «Эй, ты, Бицепс, подойди». Я подходил. Я уже не сжимал кулаки. Я просто делал, что скажут.

Со мной работал Вован - кличка Вован-Арбалет, потому что у него были длинные руки и он любил биты. Мы вместе стояли на двух точках - закусочная на Юбилейной и палатка с сотовыми телефонами (только «Моторолы»-кирпичи, размером с маленькую сумку, антенна выдвижная). Вместе выбивали долги.

- Ты чё такой кислый, Шуст? - спросил меня однажды Вован, пока мы ждали в машине. Он переключал кассеты в магнитоле - «Кар-мэн», «Лондон, гуд бай!» - и прикуривал сигарету «Мальборо» от прикуривателя. - Подумаешь, руку кому-то сломали. Это работа.

- Я не кислый. Я думаю.

- Думать - это не наше дело. Наше дело - делать. Кончай сопли жевать.

Были у нас и понты, конечно. Вован купил себе «девятку» - ВАЗ-2109, гнилую, крашеную трижды (белый-синий-серый), но с тонировкой «хамелеон» и колёсами от «БМВ». Литые диски, правда, краденые. Аудиосистема: две «таблетки» Pioneer на задней полке, кассетник Panasonic. Мы слушали «Комбинацию» («Не забывай, не забывай, меня, мальчишка!»), «Кар-мэн» и группу «Белый орёл» («Как упоительный в России вечер...») на полной громкости, когда ехали на дело.

Я сидел на пассажирском, смотрел на убегающую улицу. Люберцы, 96-й. Магазины с железными решётками, киоски «Союзпечати» с порнухой и сигаретами, пацаны на корточках у подъездов, старухи с авоськами.

- Вован, - спросил я. - А если бы мы родились в другой стране? Ну, в Америке?

- В какой Америке? - он поперхнулся пивом «Miller», только появившимся в ларьках. - Мы здесь, братан. И на хрен ту Америку. Там тоже бизнес. Только называются по-друго-

му.

Он хлебнул пива, вытер губы рукавом спортивного костюма «Adidas» - поддельного, купленного в переходе.

- Слышь, лучше скажи: должника этого помнишь, Петрова?

Я напрягся.

- Ну.

- Хозяин сказал: на этой неделе - бабки. Если нет - выносить будем. По -серьёзному выносить. Ты в деле?

Я промолчал.

- Ты в деле, Шуст? - Вован повернулся ко мне. Глаза узкие, холодные.

- В деле, - сказал я.

Спортзал остался в прошлом. Теперь мы ходили в другой - «Фитнес-класс», с тренажёрами американской фирмы «Universal», с солярием (Вован любил быть смуглым), с кожаными скамьями в раздевалке. Там братва отдыхала после стрессов. Сауна, массажный салон, бильярд.

Девушки приходили красивые - длинные ногти, вечерние платья, волосы с химической завивкой. Они улыбались всем одинаково, как стюардессы в американском кино. Не брали денег - их привозили на чёрных «Мерседесах» с московскими номерами, и они сидели с нашими, пили шампанское из пластиковых стаканчиков.

- Вот это жизнь, - сказал однажды Вован, похлопав меня по плечу. - А ты хотел в институт.

Я не ответил. Я смотрел на свои руки. Руки, которые умели открывать «Москвич» за сорок секунд. Которые держали монтировку и биты. Которые давно не держали учебник.

Глава 7. Тот самый день

17 августа 1996 года. Или 18-е? Не помню. Помню, что было жарко - под сорок, асфальт плавился. В городе правили люберецкие братки. Слыхали про таких?

В девяностых их слово было законом. Люберецкая братва контролировала не только родной город, но и половину юго-востока Москвы - Капотню, Марьино, часть Печатников. Они начинали с подвальных качалок, как и мы, но быстро смекнули, что качать бицепс и качать деньги - не одно и то же.

К 1993-му у них было всё: сети платных стоянок, крышевание рынков (особенно Гольяновского и Люберецкого вещевого), подпольные казино, цеха по «отжигу» машин. В автомастерских перекрашивали угнанные иномарки в любые цвета за ночь. Люберецкие контролировали даже «кукурузники» - маленькие рейсовые автобусы от вокзала до района Красково. Каждый водитель платил им двадцать долларов в неделю, иначе у него пробивали колёса или били фары.

Свои люди были в ГАИ, в отделениях милиции, в администрации. Главаря я никогда не видел - ходили слухи, что им заправляет авторитет по кличке «Хозяин» (он же - какой-то бывший спортсмен из «Спартака»), а казначей - умный му-

жик с юридическим образованием, который никогда не брал в руки оружие. Но приказы спускались сверху, и ослушаться значило подписать себе приговор.

Настал день, когда с верху попросили «поработать» с должником. Обычное дело. Ничего особенного.

Мы приехали на «девятке» Вована. Должник - мужик лет тридцати пяти, в очках с толстыми линзами, с залысинами, в рубашке навывпуск. Интеллигент. Фамилию уже не помню. Пусть будет Петров. Петров задолжал нашему старшему за «крышу» - он торговал книгами. Да, боже мой, книгами! В 1996-м! Кто вообще покупал книги?

Ларёк стоял на остановке. Железная палатка, обклеенная скотчем, с надписью от руки: «КНИГИ. Дешёво». Петров торговал детективами Марининой, переводами Кинга, старыми советскими энциклопедиями. Выручка - копейки. Но «крыша» была фиксированная - пятьсот долларов в месяц. Он платил три месяца, потом перестал.

Петров стоял у своей «шестёрки» - ВАЗ-2106, бежевой, без правого зеркала, с трещиной на лобовом. Дрожал. Руки тряслись так, что ключи звенели. На лбу - бисерины пота от страха.

Вован уже достал обрез ТОЗ-34 - охотничий, с обрезанным стволом до сорока пяти сантиметров, ружейный приклад почти упирался в живот. Делал его знакомый оружейник за триста баксов. Я стоял в трёх метрах, вертел битую в руке. Бита - деревянная, от американского бейсбола (никто

в него не играл, но биты продавались в спорттоварах), обмотанная синей изолентой в три слоя.

- Пацаны, ну пожалуйста, - зашептал Петров громко, как на исповеди. Глаза бегали. - У меня дочка болеет. Менингит. Деньги все на лекарства. Сказали, если не купить «Цефтриаксон» через два дня - может быть поздно.

Вован сплюнул шелуху от семечек прямо на асфальт.

- Ты в прошлый раз то же самое говорил. У всех дочки болеют.

- Правда! Она в Детской больнице, палата шестая! Я могу показать...

- Покажешь, когда заплатишь, - Вован развернул обрез стволом вверх. Не угрожая - так, для понятия. Дескать, я не пацан какой-то, я говорю серьёзно.

Я смотрел на Петрова. Потом на его машину. В салоне на заднем сиденье лежал детский рюкзачок - розовый, с зайцем. Тетрадки торчали.

Петров снял очки. Глаза у него стали совершенно безумные. Не пьяные, не злые - затравленные, как у кролика перед удавом. Такой взгляд бывает у людей, которые перестали верить в завтра.

- У нас нет денег, - сказал он охрипшим голосом. - Мы с женой продали всё: телевизор, магнитофон, её шубу. Я хотел продать машину, но эта «шестёрка» никому не нужна. Скажите своему... Хозяину... пусть подождёт ещё месяц. Я устроюсь сторожем. Буду платить по сто долларов.

- Сто? - Вован хмыкнул. - Сто он будет платить. Слушай, умник, ты пятьсот должен за месяц. Долг за три месяца. И проценты.

- Я отработаю! - голос Петрова сорвался на фальцет. - Я книги буду продавать день и ночь!

- Книги, - Вован покачал головой. - Кому нужны твои книги? Их только бомжи на растопку берут.

Я смотрел на свои руки. На эти самые руки. Которые в детстве собирали модель спутника с отцом. У нас была электрическая схема «Спутник-1» - настоящая, отец выпросил на заводе копию. Мы паяли контакты, проверяли проводку тестером, и он говорил:

«Запомни, Никита: космос - это точность. Ошибёшься на миллиметр - ракета упадёт. Так и в жизни. Каждый твой шаг - как пуск ракеты».

А сейчас эти же руки держали битую, обмотанную изоляцией. Ракета упала.

Петров вдруг заплакал. Слёзы текли по щекам, запотевали стёкла очков. Он не вытирал их. Он стоял и смотрел на нас - двух здоровых пацанов в спортивных костюмах, с оружием и битой - и плакал.

- У меня дочка, - повторил он. - Семь лет. Зовут Ксюша. У неё температура сорок. Если мы не купим лекарство завтра...

- Заткнись! - Вован замахнулся прикладом. - Я сказал: деньги через два дня. Или мы приедем уже не вдвоём. По-

нял?

Я не знаю, почему мне вдруг стало тошно.

Может быть, от запаха бензина - «девятка» Вована чадила, как ТЭЦ. Может быть, от солнца, которое давило на макушку, как утюг. А может, потому что в эту секунду я вдруг представил: а если бы мой отец стоял вот так, на жаре, с трясущимися руками, и какой-то здоровый пацан с битой требовал бы с него деньги?

Отец, который рассчитывал траектории космических аппаратов. Который учил меня, что «человек может всё, если не врёт себе».

Что мы делаем? Как это остановить?

Я бросил биту.

Она звякнула об асфальт - мерзко, металлически, как упавшая цепь. Покатилась к водостоку, звякнула о бордюр и замерла. Петров вздрогнул. Вован замер.

- Поехали отсюда, - сказал я тихо. Так тихо, что сам себя едва слышал.

Вован медленно, очень медленно повернул голову. Посмотрел на меня так, будто только увидел. В его взгляде было всё:

- Ты че, ссыкун?

- Ты предал братву?

- Ты подставил меня перед Хозяином?

Он не сказал этого вслух. Но я прочитал всё в его глазах. Потом он развернул обрез уже не вверх, а прямо перед со-

бой. Ствол смотрел мне в солнечное сплетение. Расстояние - три метра. С такого расстояния не мажут даже с закрытыми глазами.

- Ты че, Никита? - спросил он спокойно, как на тренировке. - С ума сошёл? Ещё раз повтори.

- Поехали, Вован. Просто поехали. Ему правда нужны лекарства. Ты что, не видишь?

- А кто будет отдавать бабки старшему? Ты? Ты заплатишь пять штук из своего кармана?

- Я заплачу. Отдам всё, что есть. И отработаю.

Я врал. У меня было 1500 рублей в кармане и пачка «Явы». Но мне было плевать. Потому что, если бы я не сказал это сейчас - через пять секунд меня бы здесь не было. Вован не шутил. Он бы меня застрелил. И никто бы не спросил. Потому что нет закона. Есть понятия. А по понятиям отказаться от дела - предательство. Предателя убивают на месте.

Воздух между нами стал густым, как кисель. Я слышал, как бьётся моё сердце - казалось, его слышит весь двор. Петров замер, прижавшись к своей «шестёрке», и не дышал.

Вован смотрел на меня ещё секунд десять. Потом опустил ствол. Сплюнул. Открыл дверь «девятки» - она закрипела, как старая телега - и сел за руль. Не взглянув на меня.

- Садись, урод. Поговорим.

Я не сел.

Я пошёл пешком. Спиной к нему. Шаг, второй, третий. Ждал выстрела в затылок. Каждый шаг - вечность. В голове

бежало: «Деда, прости, я дурак, деда, прости, век воли не видать, прости...»

Спина горела. Мне казалось, что сейчас что-то ударит между лопаток, и я упаду лицом в гудрон, и кровь потечёт по трещинам.

Выстрела не было.

Я свернул за угол, во двор с качелями. Песочница пустая. Качели ржавые скрипят на ветру. И тогда меня вырвало. Прямо на чью-то припаркованную «копейку» цвета «какао».

В кармане зазвонил пейджер. «Motorola Advisor». Я достал, посмотрел на дисплей. Сообщение от Вована: «ХОЗЯИН ВСЕ ЗНАЕТ. ТЫ ТРУП».

Я сломал пейджер о стену дома. Пластмасса разлетелась на куски.

Глава 8. В ночь

Я ушёл в ночь. Через стройки (новые «элитные» дома для «новых русских» - из красного кирпича, с железными дверями и домофонами, которые никто не подключал), через железнодорожные пути (товарняки с углём, пахнущие мазутом и холодом), через пустыри с битым кирпичом и шприцами.

Я шёл, не разбирая дороги. Просто ставил ноги - левая, правая, левая. Голова пустая. Только одна мысль: «Если остановлюсь - они меня найдут».

Ночные Люберцы 1996 года - это патрули на «Жигулях» с

тонировкой. Это выстрелы где-то вдалеке - то ли салют, то ли кого-то валят. Это собаки, которые бросаются на сетку-рабицу. Это запах канализации и жареных семечек.

Я шёл часов пять, пока не оказался в Люберцах-2. Сел на лавочку у вокзала. Электричка до Раменского отходила в 5:20. У меня было полтора часа. Я сидел и смотрел на пустые рельсы.

Напротив - киоск с шаурмой. Днём там стояла очередь, а сейчас только бомж копался в мусорном баке. Он нашёл полпачки «Беломора», достал спички, закурил. Увидел меня, подошёл.

- Есть закурить? - спросил он. Голос - как наждак.

- Нет.

- А деньги?

- Тоже нет.

Он постоял, посмотрел на меня мутными глазами. Потом сказал:

- Врешь ты все. У тебя в кармане куртки что-то звенит.

Я достал мелочь - рублей тридцать - и отдал. Он ушёл в киоск, вышел через минуту с двумя пирожками с повидлом. Один кинул мне.

Вернулся домой через два дня. Мать встретила с красными глазами. Она уже не плакала - была в том состоянии, когда слёзы кончаются и начинается тупая боль.

- Где ты был? - спросила она, не поднимая глаз. Она мыла посуду - ту самую, советскую, с трещинами. Руки её дрожа-

ли.

- Скрывался.

- За тобой приходили. Двое. В спортивных костюмах. Сказали, что ты должен Хозяину десять штук баксов.

- Сколько?

- Десять тысяч долларов. Откуда у нас такие деньги, Никита? Откуда?

Я сел на табуретку. Десять тысяч. Год назад это было двести миллионов рублей - целое состояние. Сейчас - просто десять тысяч. Но у нас их не было. У нас вообще ничего не было.

- Мам, я уйду, - сказал я. - Они меня найдут.

- Куда ты уйдёшь?

- В армию. Добровольцем.

Она посмотрела на меня. И вдруг заплакала. Тихо, без звука - только слёзы текли по щекам, капали на фартук.

Отец лежал в прихожей. Пьяный в стельку. Рубашка растёгнута, на груди - шрам от операции ещё советских времён, когда ему удаляли грыжу в Кремлёвской больнице по спецдопуску. Я смотрел на него и не чувствовал ничего. Ни злости. Ни жалости. Пустота.

- Пап, - позвал я.

Он не ответил. Только застонал и перевернулся на другой бок. Из кармана брюк выпала пустая бутылка. «Московская». Та самая.

Мать ушла на кухню. Достала из шкафа дедов пиджак -

шерстяной, цвета хаки, с медалями на левой стороне. Орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Посмотрела на него. Потом на меня.

- Дед умер. Вчера утром. Не стали тебя искать. Похоронили вчера в 14 часов. Я на свои похоронила. Ты даже не простился.

Я сел на пол. Прямо в прихожей, рядом с отцом. Обхватил голову руками.

И тут во мне что-то сломалось. Не та сталь, что копилась годами, а какая-то тонкая, последняя пружина, которая держала меня в человеческом облике.

Я завыл. Громко, как загнанный зверь.

Мать обняла меня. Молча. Дедов пиджак упал на пол. Медали звякнули - глухо, как похоронный марш.

Три дня я не выходил из дома. На четвёртый - поднялся. Побрел к военкомату.

Глава 9. Майор и его бланк

Военкомат на улице Ленина. Обшарпанное здание, дверь подкрашена голубой краской, на табличке - «Гражданам, подлежащим призыву». Внутри пахнет мастикой, старыми папками. Пол кафельный, жёлтый, в трещинах.

Кабинет военного комиссара - на втором этаже, дверь открыта. За столом сидел майор, перебирал бумаги. Форма новая, но не глаженная - видно, без толку. На столе - портрет

Ельцина, кружка с чаем, пепельница полная бычков.

Я вошёл без стука. В дедовом пиджаке. Медали на левой стороне звенели при каждом шаге.

- Здравия желаю.

Майор поднял глаза. Усталые, безразличные. Такие бывают у людей, которые за десять лет видели сотни подростков, мечтающих свалить из этой жизни. Мешки под глазами, щетина.

- Чего тебе?

- Хочу служить.

- Военкомат закрыт. Приходи осенью с повесткой.

- У меня нет повестки. Я сам пришёл.

Он отложил бумаги. Посмотрел на меня внимательней. Потом на пиджак. На медали. Потом на мои плечи - широкие, как дверной проём. На руки - жилистые, с набитыми костяшками.

- Откуда такой здоровый?

- Качался.

- Уголовка есть?

- Нет.

- Что натворил?

Я молчал минуту. Потом сказал просто, глядя в стол:

- Если не заберёте - убьют. Забирайте хоть в Чечню. Хоть куда.

И заплакал. Навзрыд. Стоял руки по швам, а слёзы бегут по щекам на дедов пиджак. Я вытирал их рукавом, как ма-

ленький. Майор молчал. Я стоял и плакал, и не мог остановиться.

Потом он вздохнул. Достал из сейфа бланк - тот самый бланк направления добровольца. Заполнил. Не глядя на меня.

- Фамилия?

- Шустов. Никита Сергеевич.

- Доброволец, значит... - он заполнял бумагу нервно, крупными буквами, чернила расплывались. - Землю будешь нюхать. Такое нынче время.

- Согласен.

- В часть мотострелковую, в Наро-Фоминск. Тридцать вторую. Будешь учиться на гранатомётчика.

- Можно.

Он протянул направление. Я взял дрожащей рукой. Бумага была тонкая, серая - та же самая, на которой раньше писали характеристики на отличников. А теперь - направления в мясорубку.

Майор посмотрел на меня и сказал слова, которые я запомнил на всю жизнь:

- Слушай, парень... Ты не один там навоевался. Полстраны таких, как ты. Кто в 90-е выжил - тот железный. Вернёшься - не сходи с ума. Работу найди. Семью заведи. И никогда не вспоминай то, что было. Понял?

- Понял.

- Ну, бывай.

Я вышел. Сел на лавочку перед военкоматом. Солнце светило в глаза. Воробьи дрались за корку хлеба. Достал дедов платок - тот, что мать положила в карман пиджака. На платке вышиты инициалы: «А.И.Ш.» - Алексей Иванович Шустов, 1925 года рождения.

И подумал:

«Деда, ты от Сталинграда до Берлина дошёл. А я от подвала с монтировкой до качалки. У каждого свой путь. Но сейчас я в твоём пиджаке. Я всё понял. Прости меня».

Я встал, развернул направление и пошёл на вокзал.

Глава 10. Возвращение

...Мне пятьдесят. Сейчас 2026 год.

У меня свой цех по металлообработке в промзоне за МКАДом, в районе Бутово. Четыре станка с ЧПУ - японские «Mazak», купил в 2012-м. Восемь человек в смену. Делаем детали для экскаваторов, для тракторов и другой техники. Ничего престижного, но спрос есть. Когда я прихожу в цех и слышу этот ровный гул станков, мне кажется, что жизнь не зря прожита.

С братвой не общаюсь. Вован, говорят, застрелился в 98-м, когда его «крыша» рухнула после дефолта. Говорят, что он оставил записку: «Простите, я больше не могу». Дядя Миша сидел за «мокруху» - вышел в 2015-м, умер от цирроза в 2021-м. Тех, кто ходил в качалку на Инициативной улице, почти не осталось. В живых - пять человек. Мы иногда

встречаемся в пивной, поминаем, молчим. Смотрим друг на друга и не говорим ничего. Всё и так понятно.

У меня дочь. Ей семнадцать лет. Представляете? Ровно столько, сколько было мне в том 93-м. Она учится на психолога в МГУ (не спрашивайте, как я заплатил за учёбу - честно, через банк). Ходит в спортзал, но современный - с зеркалами, с йогой, со смузи из сельдерея. У неё айфон, она слушает какую-то непонятную музыку и смеётся над мемами.

Однажды она спросила:

- Пап, а ты в молодости чем занимался?

Я замялся. Потом сказал:

- Качался.

- И всё?

- И всё.

Она засмеялась. Не поверила, конечно. Думает, что я преувеличиваю. Наверное, это хорошо.

Сегодня я вышел из офиса в центре Москвы. Вижу мальчишек лет семнадцать - наверное, студенты Вышки или РАНХиГС. У них айфоны последней модели, наушники AirPods Max, серебристый каршеринг «Делимобиль» у тротуара. Один из них подходит к машине, тычет в телефон и вдруг орёт на весь двор:

- Блин, батарейка села! Я не могу заплатить аренду! Сейчас ещё сто рублей накапает! Двое других начинают паниковать. Реально паниковать: краснеют, матерятся, крутят головами, машут руками так, будто их машину угоняют.

Я стою в трёх метрах. Смотрю на них. Рюкзак за спиной - в нём ноутбук и новый контракт. Я жду, когда освободится парковка перед бизнес-центром. И мне хочется подойти к ним и сказать:

«Пацаны, вы счастливые. Вы не представляете, что такое нож у горла за кусок хлеба. Или стоять в подъезде в три часа ночи, слушая, как ломают пальцы чужому человеку. Или смотреть, как твой друг разворачивает обрез в твою сторону, потому что ты пожалел отца больной девочки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.